СУНДЪ И УПАСУНДЪ.

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ МАГАБГАРАТЫ.

(Посвящается Каэтану Андреевичу Коссовичу).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переведенный мною разсказъ о «Сундѣ и Упасундѣ» есть одинъ изъ эпизодовъ древне-Индійской поэмы Магабгáраты, которая сочинена отшельникомъ Вьясою, за 2,000 лѣтъ до Р. Х. Въ ней разсказывается о разрывѣ и борьбѣ двухъ родственныхъ племенъ — Кỳру и Пандỳ, но въ этотъ главный разсказъ входитъ множество побочныхъ, которые имѣютъ между собою связь, и взятые вмѣстѣ съ главнымъ, составляютъ одно цѣлое. Съ листовъ Магабгàраты вѣетъ чѣмъ-то дивнымъ, особеннымъ, незнакомымъ, и въ этомъ старомъ есть очень много новаго. Но чтобъ чувствовать отраду и сладость этихъ свѣжихъ, нетронутыхъ рудниковъ, чтобъ понимать эти чудные, величественные разсказы и увлекаться ими, надо много труда и терпѣнія, надо глубоко изучить этотъ міръ и совершенно сродниться съ нимъ душею. Тогда только оживетъ передъ вами мертвая Санскритская буква, и вы получите чистѣйшее наслажденіе отъ прочтенія знаменитой Магабгàраты.

Эта поэма напечатана была всего только одинъ разъ, въ Калькуттѣ, въ 1834 и 1839 годахъ, разными учеными Индусами, при помощи Англійскаго Комитета Народнаго Просвѣщенія и Азіятскаго Бенгальскаго Общества. Ни на одномъ изъ Европейскихъ языковъ нѣтъ ея полнаго перевода. Намъ извѣстны одни отрывки, какъ-то: эпизодъ о «*Савитрѝ*» въ Нѣмецкихъ стихотворныхъ переводахъ Боппа, Гольцмана и Гёѳера; эпизодъ о «*Потопѣ*», разсказанный по-Русски нашимъ санскритологомъ Петровымъ; «*Бгàвадъ-Гѝта*», классически переданная на Латинскій [illegible] А. Шлегелемъ и Х. Лассеномъ; «*Путешествіе Арджуна въ міръ Индры*» — переводъ Боппа, и наконецъ «*Наль* и *Дамаянти*» разсказъ, извѣстный и Русскимъ читателямъ въ переводахъ Гг. Жуковскаго и Вельтмана.

Вотъ все, или почти все, что̀ мы знаемъ изъ огромнаго сочиненія Вьясы. Но все это, взятое вмѣстѣ, есть только одна капля въ этомъ Индійскомъ морѣ — въ Магабгàратѣ.

Въ Калькуттскомъ изданіи Магабгàраты, передъ самымъ ея текстомъ, напечатано нѣсколько тысячъ стиховъ, написанныхъ въ видѣ предисловія позднѣйшимъ Индійскимъ поэтомъ, котораго имя неизвѣстно. Любопытны его восторженныя похвалы поэмѣ. Я приведу нѣсколько изъ нихъ въ самомъ вѣрномъ прозаическомъ переводѣ, потому что вѣрный стихотворный переводъ ихъ совершенно невозможенъ.

Вотъ какъ говоритъ древній Индійскій редакторъ Магабгàраты объ ней и объ ея сочинителѣ:

«Отшельникъ Кршна — Двайпàяна (Вьяса) составлялъ эту поэму въ продолженіи трехъ лѣтъ. Во все это время онъ не имѣлъ никакихъ иныхъ желаній и помышленій. Все время стоялъ на ногахъ, онъ, чистый и могучій духомъ; огонь благочестія и самопорабощенія проникалъ всю его душу.»

«Человѣкъ, ставши на путь, ведущій къ небу, не обрѣтаетъ такого наслажденія, какое вкушаешь, слушая сіе сказаніе, исполненное чистоты.»

«Все, чѣмъ держится законъ и общественная жизнь; все, чѣмъ движутся страсти, и все, что̀ возвышаетъ человѣка надъ страстями, если есть все сіе въ Магабгàратѣ, то есть и въ жизни; если же не найдешь сего въ Магабгàратѣ, то не найдешь и въ дѣйствительности.»

«Пусть Двурожденный (т. е. Брàгманъ, или Кшàттрія) знаетъ 4 Вѐды, со всѣми Ангами и Упанишàдами, но если онъ не знаетъ сего сказанія, то онъ не мудръ.»

«Неизмѣримый разумомъ Вьяса изложилъ здѣсь законы человѣческихъ отношеній, великіе законы правды и любви.»

«Если выслушаешь это повѣствованіе, то тебя ужѐ не плѣнитъ никакой другой разсказъ, какъ послѣ пѣнія Пунскокилы ты не станешь слушать карканья ворона.»

«Если ты не вкушалъ сладости сего разсказа, то знай, что безъ него нѣтъ поэзіи на землѣ, какъ безъ вкушенія пищи нѣтъ крѣпости человѣческому тѣлу.»

«Какъ ищущіе благоденствія подданные, находятъ его въ великомъ и мудромъ государѣ, такъ и поэты, ищущіе вдохновенія, находятъ его въ глубокомъ кладязѣ сего повѣствованія.»

Сколько правды въ этихъ словахъ, рѣшить трудно. Надо сдѣлаться Брàгманомъ и прочесть Магабгàрату. Но прочесть ее не такъ легко: въ ней, какъ говоритъ тотъ же поэтъ—18 книгъ, къ которымъ, какъ дополненіе, присоединяется 19-я, Гаріванса (потомство Гарія, т. е. Вишну). Въ этихъ 19 книгахъ 387,024 стиха!! Это исчисленіе написано также стихами. Любопытно видѣть, къ какимъ хитростямъ и поэтическимъ вольностямъ (впрочемъ не противорѣча законамъ своего языка) прибѣгаетъ редакторъ Магабгàраты, исчисляя стихи ея. Вотъ какъ онъ начинаетъ:

«Ади-пàрва—книга первая—содержитъ въ себѣ восемь тысячъ слокъ (т. е. двустишій) и еще восемьдесятъ слокъ, и еще четыреста слокъ.»

«Книга вторая содержитъ въ себѣ двѣ тысячи слокъ и еще пятьсотъ слокъ и еще одиннадцать слокъ,» и т. д.

Теперь перейдемъ къ эпизоду о «Сундѣ и Упасундѣ.» Въ основаніи этого разсказа лежитъ древнее миѳологическое преданіе. — Дàйтіи, потомки богини Дити, жены Кàсъяпа, одного изъ міростроителей, находились въ вѣчной враждѣ съ Адитèями, сыновьями Адити, другой жены Кàсъяпа. Причиною ихъ вражды было слѣдующее обстоятельство. Когда существа были созданы Брагмою и міростроителями, должно было имъ увѣковѣчить свое бытіе—достать изъ нѣдръ океана влагу безсмертія. Долго трудились заодно Дàйтіи и Адитèи; наконецъ желанная влага заблистала; Дàйтіи бросились къ ней и каждый закричалъ: «моя влага! моя влага!» Брàгма и Вишнỳ наказали ихъ за это, лишивъ влаги и отдавъ ее кроткимъ Адитèямъ, потому что они трудились съ самоотверженіемъ, меньше тѣхъ думая о наградѣ.

Мой переводъ Сунда и Упасунда сдѣланъ безъ всякихъ ученыхъ притязаній и довольно далекъ отъ подлинника. Это скорѣе подражаніе, нежели переводъ. Здѣсь читатель не найдетъ всего того, чтó разска-

зывается о Сундѣ и Упасундѣ въ Магабгаратѣ. У меня только сущность, экстрактъ того разсказа, потому что я хотѣлъ сдѣлать какъ можно болѣе доступнымъ и удобнымъ для чтенія этотъ эпизодъ, а въ подлинникѣ (если не ознакомишься окончательно съ духомъ Санскритской поэзіи) онъ кажется довольно нескладнымъ произведеніемъ, исполненнымъ безпрестанныхъ повтореній и какого-то безпорядка, къ чему очень трудно привыкнуть.

Слоки, или двустишія подлинника я замѣнилъ четырехстишіями, потому что тамъ каждый стихъ слоки имѣетъ посерединѣ пересѣченіе, больше, нежели цезуру, такъ что изъ двухъ слокъ выходитъ четыре стиха. Размѣръ подлинника совершенно такой, какъ у меня, съ тою только разницею, что у меня онъ правильнѣе, а тамъ количество четырехсложной стопы чрезвычайно неопредѣленно и самый размѣръ слоки, состоящей обыкновенно изъ восьми такихъ стопъ, или изъ 32-хъ слоговъ, безпрестанно измѣняется; но дактиль на концѣ слышится вездѣ и тамъ. Я пробовалъ-было и другіе размѣры, но ни одинъ не пришелся къ дѣлу какъ надо, и я принужденъ былъ обратиться къ этимъ однообразнымъ дактилямъ. Бываютъ случаи, когда размѣръ есть дѣло очень важное. Такъ Данте понятенъ и живъ только въ своихъ неподражаемыхъ терцинахъ; Гомеръ въ своихъ гекзаметрахъ; а нашего Илью Муромца, или Ваську Буслаева, или Соловья Будиміровича никогда не перескажете ямбомъ или хореемъ такъ, какъ онъ пропѣтъ Русскимъ напѣвомъ у Кирши Данилова. Здѣсь же, въ Магабгаратѣ, этотъ постоянный дактиль на концѣ нуженъ для выраженія какой-то величавости и торжественности разсказа, какой-то священной тишины, располагающей ко вниманію.

Собственныя имена (въ которыхъ, какъ я полагаю, нѣтъ никакой особенной важности) я переводилъ двояко: иногда, для размѣра, удерживалъ окончаніе подлинника *асъ*, а иногда замѣнялъ его нашимъ *ъ*: такъ *Сундасъ* я перевелъ *Сундъ*, а *Ракшасъ*, *Ямасъ*, *Кáлясъ* и другіе оставилъ какъ въ подлинникѣ. Я имѣю въ свою защиту немногіе примѣры словъ, взятыхъ съ Греческаго, гдѣ окончаніе подлинника *os* сохранилось безъ перемѣны: Патмосъ, Родосъ, Косъ. Тогда какъ въ другихъ случаяхъ os измѣнилось въ ъ: Ἀλέξανδρος—Александръ и м. д.

Въ заключеніе я хочу сказать о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ переводчикомъ съ Санскритскаго языка на какой-нибудь изъ Европейскихъ, хотя читателямъ нѣтъ никакого дѣла до этихъ затрудненій. Мы привыкли переводить съ языковъ Европейскихъ и знаемъ всѣ условія этихъ переводовъ. Другое дѣло языкъ Санскритскій. Мы со своими

языками передъ нимъ тоже, чтó однострунная скрипка передъ четырехструнной, и никогда не возьмемъ всѣхъ его нотъ и тоновъ, какъ бы ни были длинны наши пальцы. Одно изъ главнѣйшихъ его свойствъ — необыкновенная и почти непонятная для насъ гибкость и, такъ сказать, тягучесть. Всякая мысль по-Санскритски можетъ быть выражена, смотря по надобности, въ одномъ, въ двухъ, въ трехъ, въ десяти, въ двадцати словахъ. Напримѣръ: «я вижу столъ, окрашенный красной краской, покрытый лакомъ и стоящій въ углу.» Все это древній Индусъ сказалъ бы въ двухъ словахъ: онъ сказалъ бы: *вижу столъ*, но передъ словомъ *столъ* поставилъ бы все то, чтò надо объ немъ сказать, взявши для того не полныя слова, а только ихъ корни, которые, по свойству языка, обратились бы въ эпитеты къ слову, передъ которымъ поставлены. Это удивительное свойство языка преимущественно затрудняетъ переводчика. Представьте себѣ, что въ рѣчи встрѣтится три-четыре такихъ сжатыхъ слова: у васъ выйдетъ 20! Это, конечно, большею частью, еще не бѣда, но бываютъ случаи, когда сжатость и краткость въ рѣчи совершенно необходимы. Читатели Москвитянина вѣроятно припомнятъ отрывокъ изъ Васантасены, переведенный г. Коссовичемъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Витъ преслѣдуетъ баядерку Васантасену по улицамъ города, они, на бѣгу, должны говорить кратко; въ двухъ-трехъ словахъ высказывать все. И точно: Индійскій поэтъ употребляетъ для этого самый сжатый языкъ, гдѣ иногда въ одномъ звукѣ сказано очень много. А у насъ выходятъ преогромные переводы.

Еще, кромѣ свойства, о которомъ я упомянулъ, у Санскритской рѣчи есть свой особенный складъ и порядокъ, съ которымъ также очень трудно бороться. Для примѣра я приведу здѣсь буквальный переводъ одного мѣста изъ Сакунталы. Рàджа говоритъ своему кучеру объ антилопѣ, которую они преслѣдуютъ: «посмотри: шее-изгибо-очаровательная, къ налетающей колесницѣ привязанно-взорая, задне-половиною-тѣла стрѣло-паденіе-боязнью въ передне-тѣло-ушедшая, дàрбгами полуизжеванными усталость-открыто-ротъ выпавшими сѣе-путная, смотри однако, высоко-прыганіемъ въ воздухѣ больше, чѣмъ по землѣ шествуетъ.» Не угодно ли все это понять и выразить Русскою живою рѣчью!

Вотъ переводъ этихъ строкъ: «посмотри, она, выгнувъ очаровательно свою шею, устремила взоръ на быструю колесницу, преслѣдующую ее; она поджала заднюю часть своего тѣла, боясь нашихъ стрѣлъ, и усѣеваетъ путь полуизжеванными дàрбгами, выпадающими у нея изъ роту, открытаго отъ усталости! Но взгляни: все-таки она быстрыми прыжками несется больше по воздуху, чѣмъ по землѣ!»

Какъ живописно и какъ невыносимо-длинно! Впрочемъ это длинно только по-Русски, а въ подлинникѣ, всего лишь пять короткихъ стиховъ.

Все это, всѣ эти сухія, длинныя и утомительныя объясненія я почелъ нужнымъ высказать, защищая не столько себя и свой переводъ, сколько другихъ, которые занимаются этимъ дѣломъ гораздо серьознѣе меня. Очень грустно слышать, когда ихъ упрекаютъ въ тяжеломъ слогѣ, въ длиннотѣ и неблагозвучіи періодовъ, не зная, можетъ быть, до какой степени трудно здѣсь быть краткимъ, легкимъ и благозвучнымъ въ выраженіи.

Кончая эти строки, приношу мою искреннюю благодарность извѣстному нашему санскритологу К. А. Коссовичу, который помогалъ мнѣ въ настоящемъ трудѣ моемъ совѣтами и сообщилъ мнѣ нѣсколько переводовъ Сунда и Упасунда на разныхъ языкахъ, и всѣ необходимыя примѣчанія.

Желающимъ прочесть самый близкій построчный переводъ предлагаемаго эпизода, рекомендую книгу Ф. Боппа: — Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel, nebst anderen Episoden des Maha-bharata. 1824. Berlin.

Н. Б.

...! Впрочемъ это длинно
...лишь пять короткихъ сти-
...льныя объясненія я почелъ
...и свой переводъ, сколько
... гораздо серьознѣе меня.
...тъ въ тяжеломъ слогѣ,
...ная, можетъ быть, до ка-
...легкимъ и благозвучнымъ

...ю благодарность извѣст-
...у, который помогалъ мнѣ
...сообщилъ мнѣ нѣсколько
...ыкахъ, и всѣ необходимыя

...строчный переводъ предла-
...:—Ardschuna's Reise zu
...aha-bharata. 1824. Berlin.

Н. Б.

СУНДЪ И УПАСУНДЪ.

I.

Послушай вмѣстѣ съ братьями
Старинное сказаніе
Во всѣхъ его подробностяхъ,
О Па̀ртга, о Юдги̇штгира! [1]

Въ дни оны былъ у Да̀йтіевъ [2]
Могучій царь Нику̀мбгаса,
Родившійся отъ племени
Асуръ-Гинанъ-Яка̀сипу. [3].

И были у Нику̀мбгасы
Два сына—Сундъ и Упасундъ,
Богатыри могучіе,
Во всемъ другъ съ другомъ схожіе.

Одни и тѣ же помыслы
Въ нихъ были и желанія,
Однѣ и тѣ же радости,
Однѣ и тѣ же горести.

Въ единый часъ за трапезу
Садились братья дружные,
Одинъ другому сладкое
И говоря, и дѣлая.

Когда же въ возрастъ мужескій
Вступили Сундъ и Упасундъ,
И укрѣпились мышцы ихъ
Несокрушимой силою:

Явилось въ нихъ отважное
И дерзкое желаніе—
Завоевать вселенную,
Великое трехміріе. [4]

Замысливъ подвигъ дерзостный,
Восходятъ оба Дайтія
На холмъ высокій Виндгіясъ, [5]
Свершить обѣтъ Питамагѣ. [6]

И тамъ, облекшись въ валкалу, [7]
Томятся лютымъ голодомъ,
И жаждой превеликою
Терзаются и мучатся.

Препобѣдивши похоти,
Питаясь только вѣтрами,
На пальцахъ, неподвижные,
Стоятъ они и молятся.

Какъ древо, станъ ихъ вытянутъ,
Ихъ руки къ верху подняты,
И не моргая, очи ихъ
Глядятъ, не закрываются.

И загорѣлся Виндгіясъ
Неутушимымъ пламенемъ
Такого благочестія,
И дымъ всклубилъ онъ по небу.

Смутились въ небѣ Дѣвасы
И стали противъ Дайтіевъ
Коварствовать, препятствуя
Святой обѣтъ имъ выполнить.

Прельщали ихъ каменьями,
И серебромъ, и золотомъ,
И красотою женскою,
Непобѣдимосильною.

Но крѣпки были Дайтіи
Душой обѣтовѣрною:
Молились, не покорствуя
Соблазнамъ и прельщеніямъ.

Вдругъ чудо непонятное,
Передъ очами Дайтіевъ,
Душой великодоблестныхъ,
Свершилось на Виндгіасѣ:

Ихъ жены, сестры, матери,
Преслѣдуемы Ракшасомъ, [8]
Бѣжали мимо, требуя
Защиты ихъ и помощи.

Съ распущенными косами,
Одеждъ своихъ лишенныя,
Роняя украшенія,
Молили: о, спасите насъ!

Но крѣпки были Дайтіи:
Обѣта не нарушили —
И вмигъ видѣнье чудное,
Какъ облако разсѣялось.

И самъ тогда Питамага,
Міровъ блюститель, Праотецъ,
Обѣтовѣрнымъ Дайтіямъ
Явился, Брагма видимый.

И повелѣлъ молящимся
Асурасамъ, да выскажутъ
Ему желанья тайныя
И помыслы сердечные.

Тогда, передъ Питамагой
Представъ, сказали Дайтіи:
«Отецъ, когда доволенъ ты
Обѣтнымъ нашимъ подвигомъ:

Услыши насъ и да̀руй намъ
Волшебствъ искусство тайное,
И да̀руй намъ оружіе,
Въ бою непобѣдимое!

И облеки насъ образомъ
Свободнопеременчивымъ
По нашему желанію,
И сдѣлай насъ безсмертными»!

—Все будетъ вамъ даровано
По вашему желанію,
О чемъ теперь вы молите;
Единаго безсмертія

Не будетъ вамъ. Потребуйте
Инаго — и исполнится!
Просите смерть, о Да̀йтіи,
Подобную безсмертію!

Святой обѣтъ вы подняли, —
Сказавъ: да будемъ властвовать!
И потому не дастся вамъ
Наслѣдіе безсмертія! —

«Даруй же намъ въ наслѣдіе,
Отецъ всесовершеннѣйшій,
Все, что̀ живетъ и движется
Во всѣхъ странахъ трехміріа!

И все, что̀ безъ движенія —
Деревья, камни, золото,
И землю всю пространную
Даруй ты намъ въ наслѣдіе!

И да не знаемъ страха мы:
Страхъ цѣлаго трехміріа
Въ двоихъ насъ да сокроется»!
И имъ въ отвѣтъ Пита̀мага:

—Все будетъ вамъ даровано,
О чемъ теперь вы молите,
И доля смерти дастся вамъ
По вашему желанію! —

Сказавши такъ и Дайтіевъ
Дарами изобильными
Благословивъ, Питàмага
Ушелъ въ міръ Брàгмы нà небо.

Тогда вожди Асӯрасовъ,
Всещедро надѣленные
Дарами благодатными,
Сошли съ холма Виндгійскаго.

Народъ, вождей увидѣвши,
Премудрыхъ и прославленныхъ
И одаренныхъ Брàгмою,
Бѣжалъ толпами встрѣчу имъ.

—Они же, сбросивъ вàлкалу,
И сдѣлавшись кудрявыми,
Украсились богатыми
Безпыльными одеждами;

И много драгоцѣнностей
Надѣли, и устроили
Веселія и пиршества,
И праздники великіе.

Ѣшь, пей, ликуй и радуйся,
Пой пѣсни, веселитесь! — вотъ
Какія рѣчи слышались
И день, и ночь у Дайтіевъ.

Народъ шумѣлъ и тѣшился;
И такъ у нихъ играющихъ
Промчались годы цѣлые
Какъ быстрыя мгновенія.

———

II.

Едва пиры окончились,
Вожди, горя желаніемъ
Завоевать трехміріе,
Созвали рать великую.

Потомъ, когда созвѣздія
Явились благосклонныя,
Пошли они, могучіе,
Напутствуемы ближними.

И шли великой ратію,
Вооружась: кто палицей,
Кто копіемъ, кто молотомъ,
Кто тяжкою сѣкирою.

Чараны[9] вдохновенные
Сопровождали Дайтіевъ
Торжественными пѣснями
И гимнами побѣдными.

Сперва они по воздуху,
Вездѣ ходить могущіе,
Пошли къ селеньямъ Дѐвасовъ,
Пылая битвы пламенемъ.

И побѣжали Дѐвасы,
Провидя, что Питâмага
Благословилъ Асу̀расовъ
Дарами благодатными.

Тогда, занявъ трехміріе
И побѣдивши Якшасовъ, [10]
Пошли войною Дайтіи
На существа воздушныя;

Потомъ на змѣевъ огненныхъ,
Внутри земли гнѣздящихся;
Потомъ пошли на Млѐчгасовъ, [11]
Средь моря обитающихъ;

Потомъ пошли на Брагмановъ [12]
И на святыхъ отшельниковъ,
И въ воду ихъ свѣтильники
Бросали, не потребствуя.

Тогда святые Брагманы
И доблестью богатые
Отшельники разгнѣвались —
И проклинали Дайтіевъ ;

Но страшныя проклятія,
Какъ скаламъ стрѣлы острыя,
Безвредны были Дайтіямъ,
Благословеннымъ Брагмою.

И, забывая подвиги,
Отшельники и Брагманы
Бѣжали отъ Асурасовъ,
Какъ змѣя отъ Гарутманта. [13]

И были ихъ обители
Разнесены, разграблены ;
Сосуды драгоцѣнные
Разбиты и раскиданы.

Стояла вся вселенная
Пустая и безмолвная,
Какъ будто бы убитая
Жестокимъ богомъ Времени. [14]

Затихли всюду праздники,
Пиры и ликованія,
И жертвы благодатныя
Не воскурялись Дѣвасамъ.

На запустѣлыхъ пастбищахъ
Не видно было пастырей ;
Земля была наполнена
Костями и черепьями.

А грозные Асу́расы,
Слонами ставши ярыми,
Съ ланитами распухшими
По всей вселенной рыскали.

То злобными гіенами,
То львами, то пантерами,
Попеременно делались
И убивали Дви́джасовъ. [15]

И наконецъ, соперника
Нигде себе не ведая,
Въ долине Куру [16] пышную
Себе столицу создали;

И въ честь завоеванія
Великаго трехміріа
Установили праздники,
Веселія и пиршества.

III.

Тогда высокомудрые,
Разгневанные Сиддгасы, [17]
Увидевъ истребленіе,
Пошли къ отцу Пита̀маге.

И видятъ Бра̀гму-Праотца,
На лучезарномъ облаке
Въ сіяніи сидящаго,
Среди боговъ и Дѐвасовъ,

Вайкга̀ны,[18] Балякгильясы, [19]
Аджа̀сы,[20] Маричипасы, [21]
Виму̀дги,[22] Теджага̀рбгасы, [23]
И мужи Брагмомудрые, [24]

И Магадѐва [25] съ Агнисомъ, [26]
И солнце вмѣстѣ съ мѣсяцемъ,
И Сӯкрасъ [27] рядомъ съ Вàюсомъ, — [28]
Сидѣли вкругъ Питàмаги.

Тогда, предъ свѣтлымъ Брàгмою
Склонившись, стали Сиддгасы
Разсказывать дѣянія
Жестокосердыхъ Дàйтiевъ.

Чтó было, все повѣдали,
Моля отца — Питàмагу
Явить имъ правосудіе
И защитить отъ Дàйтiевъ.

Разсказъ молящихъ выслушавъ,
Питàмага задумался, —
И смерть неотвратимую
Опредѣлилъ Асýрасамъ.

Потомъ Всесовершеннѣйшій,
Призвавши Висвакàрману, [29]
Сказалъ: создай мнѣ женщину
Красы всеувлекательной!

И мудрый Висвакàрмана,
Благословенный Брàгмою,
Пошелъ и создалъ женщину
Блестящую и чудную.

И все, чтó въ мiрѣ движется,
И все, чтó безъ движенія, —
Отвсюду Висвакàрмана
Изъялъ одно прекрасное, —

И слилъ очаровательно,
Благословенный Брàгмою,
Въ единомъ свѣтломъ образѣ
Новосозданной женщины.

Потомъ рукою щедрою
На плечи ей прекрасныя
Въ роскошномъ изобиліи
Просыпалъ драгоцѣнности.

Во всемъ составѣ созданной
Единой части не было,
На что́ не заглядѣлся бы,
Взоръ самыхъ небожителей.

И такъ какъ все прекрасное
Зерно къ зерну подобрано
Въ ней было, то Пита̀мага
Нарекъ ее — Тилёттама. [30]

И такъ онъ новосо̀зданной
Сказалъ: «ступай къ Асу̀расамъ
И красотой всесильною
Посѣй вражду межъ братьями!

Такъ сдѣлай»! — И Тилёттама,
Сказавъ: — я это сдѣлаю! —
Склонилась передъ Бра̀гмою
И мимо небожителей

Пошла. Къ Востоку Бга̀гаванъ [31]
Сидѣлъ тогда, а къ Западу
Магѐсварасъ [32], а къ Сѣверу
Сидѣли Дѐвы свѣтлые.

Когда пошла Тилёттама,
То Бга̀гаванъ, не двигаясь,
Глазами жадно-страстными
За ней повсюду слѣдовалъ.

На всѣ четыре стороны
У Бгагава̀на свѣтлаго
Четыре лика выросло,
Со взорами изъ лотоса [33].

Когда пошла Тилёттама
Востокомъ — вдругъ восточное
У Бгагавàна выросло
Лице; когда же къ Западу

Пошла — мгновенно къ Западу
Лице явилось; Сѣверомъ
Пошла — явилось къ Сѣверу
Еще лице; какъ нà Полдень

Пошла она — и Бгàгаванъ
За ней лицемъ полуденнымъ
Слѣдилъ ужѐ. И съ Индрою
Случилось нѣчто дивное:

И позади, и спѐреди,
У Индры всемогущаго
Тогда сверкнули тысячи
Очей огнепылающихъ.

Такъ Магадѐва нѣкогда
Пріялъ четыре образа;
Такъ и убійца Бàляса [54]
Тысячеглазымъ сдѣлался.

И мудрецы, и Дѐвасы
Туда, гдѣ шла Тилёттама,
За ней слѣдили взорами,
То въ ту, то въ эту сторону.

Единый лишь Питàмага
Спокойно на Тилёттаму
Глядѣлъ очами тихими
И божески-безстрастными.

Когда ушла Тилёттама,
Всѣ мудрецы и Дѐвасы,
И мужи Брагмомудрые
Подумали: все кончено!

Тогда Всесовершеннѣйшій
Владыка успокоился,
И распустилъ собраніе
Пресвѣтлыхъ небожителей.

IV.

Межъ тѣмъ вожди Асурасовъ,
Завоевавъ трехміріе
И побѣдивши Дèвасовъ,
И Якшасовъ, и Ракшасовъ,

И всѣ у нихъ сокровища
Отнявши, и не вѣдая
Нигдѣ себѣ соперника,
Устроили веселія,

И праздники, и пиршества,
И всякими забавами,
Какъ боги всемогущіе,
Въ своей столицѣ тѣшились.

То насыщались яствами,
То сладостными питьями,
То прелестями женскими,
То жгли благоуханія.

И по полямъ, и пò лѣсу,
И по горамъ утесистымъ,
И въ небесахъ по воздуху
Ходили, какъ безсмертные.

Однажды на отлогости
Виндгіяса высокаго,
Въ тѣни цвѣтущихъ Сàлясовъ [55],
Сидѣли Сундъ и Упасундъ.

Кругомъ толпились женщины;
Однѣ, при звонѣ вàдитра [56],
Увеселяли Дайтіевъ
Плѣнительными пѣснями.

Другія, антилопами
Вокругъ носясь и бѣгая,
То играми, то плясками
Прельщали побѣдителей.

Вдругъ, видятъ — тихо по̀ лугу,
Блистая сонмомъ прелестей,
Въ пурпурномъ одѣяніи,
Съ плеча лукаво спущенномъ,

Ища цвѣтовъ Карникара [37],
По берегамъ растущаго,
Идетъ, какъ бы безсмертная,
Прекрасная Тилёттама.

Едва ее идущую
Асу̀расы увидѣли,
Вдругъ бросили сѣдалища
И къ ней на встрѣчу кинулись.

И за руки Тилёттаму,
Любовью оба полные,
Схватили: Сундъ за правую,
А Упасундъ за лѣвую.

И въ мигъ вошло въ нихъ бѣшенство
И отлетѣла кроткая
Любовь отъ нихъ. «Моя она!»
— Она моя! — воскликнули. —

И другъ на друга бросились,
Какъ звѣри разъяренные,
Схвативъ мечи тяжелые,
И пали въ битвѣ яростной.

И долго на Виндгіясѣ,
Съ растерзанными членами,
Какъ солнцы, съ неба сбитыя,
Лежали-два Асу̀раса.

Увидѣвъ это зрѣлище,
Ихъ воины и женщины,
Исполненные ужаса,
Бѣжали въ преисподнюю.

Тогда Всесовершеннѣйшій
Творецъ міровъ Питàмага
На землю, въ сонмѣ Дèвасовъ,
Низшелъ почтить Тилёттаму.

И рекъ, чтобы Тилёттама,
Какъ Лякшми[38] гибкотѣлая,
Себѣ, что̀ хочетъ, выбрала
Во всѣхъ странахъ трехміріа.

И выбрала Тилёттама
Себѣ міры блестящіе;
И ей тогда Питàмага
Сказалъ Всесовершеннѣйшій:

«Ты будешь вмѣстѣ съ солнцами
Витать въ мірахъ блистающихъ,
Лучами осіянная
И оку недоступная!»

И одаривъ Тилёттаму
Такою благодатію,
Творецъ міровъ Питàмага
Ушелъ въ міръ Брàгмы на̀ небо.

Н. Бергъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Юдгіштира, иначе Пàртга,—сынъ царицы Прѝтьи, или Кунти, одинъ изъ героевъ Магабгàраты, которому разсказывается повѣсть о Сундѣ и Упасундѣ.

2) Дайтія—какъ сказано въ предисловіи—значитъ сынъ богини Дити, жены Кàсъяпа и потомъ вообще потомокъ Дити. Дайти называются иначе Асурами, въ противоположность Адитѐямъ, которые называются Сурами, или Дѐвами. У меня Асурасы, Сурасы, Дѐвасы.

3) Гиранъ-Якàшпу—сынъ одного изъ вождей Дайтіевъ.

4) Трехміріемъ (тройлёкъямъ) Индусы называли землю, воздухъ и небо (звѣздное пространство).

5) Такъ называется одна въ цѣпи горъ, отдѣляющихъ Индустанъ отъ Декана.

6) Питàмага—собственно значитъ великій отецъ, праотецъ. Это обыкновенное названіе Брàгмы.

7) Одѣяніе изъ древесной коры.

8) Рàкшасы—кровожадныя существа исполинскаго роста, пожиравшія людей.

9) Чарàны—плясуны и пѣвцы Индійскаго неба.

10) Якшасы—стражи сокровищъ бога Кувера, одного изъ Адитѐевъ.

11) Именемъ Млѐчги назывались у Индусовъ народы чуждаго имъ происхожденія.

12) Высшее сословіе древне-Индійскаго общества—каста жрецовъ.

13) Гарутмантъ, или Гарудъ—сынъ Кàсъяпа и Винàты. О томъ, какъ онъ отмстилъ змѣямъ, говорится подробно въ «сказаніи о Джимутавàганѣ» переводъ К. А. Коссовича.

14) Богъ Времени—Кàласъ, иначе Ямасъ — есть также и богъ Смерти.

15) Двиджасъ—буквально значитъ дважды рожденный. Употребляется иногда вмѣсто имени Брàгманъ и вмѣсто Кшàттрія (воинъ).

16) Знаменитая долина въ Санкритскомъ эпосѣ, бывшая полемъ битвы между племенами Куру и Панду.

17) Особенный родъ боговъ, или Дѐвасовъ.

18) Отшельники.

19) Боги, величиною въ палецъ, обладающіе необыкновенною мудростію. Они произошли изъ волосъ Брàгмы.

20) Буквально - нерожденные.

21) Питающіеся лучами.

22) Буквально — восторженные.

23) . . . .

24) Брагмомудрый—Брагмарши—это третья степень мудрецовъ; всѣхъ степеней 4: мудрецъ просто, мудрецъ изъ нисшаго класса — называется *Риши*; за симъ слѣдуетъ Раджарши—мудрецъ изъ касты Кшаттріевъ; далѣе Брагмарши—Брагмомудрый—и наконецъ Парамарши, разумѣющій даже и то, что выходитъ изъ предѣла понятій и чувствъ.

25) Вишну.

26) Богъ огня.

27) Сакрасъ, или Индра — богъ видимой природы.

28) Ваюсъ, или Ваю — вѣтеръ.

29) Висвакармана — Всетворящій.

30) Словамъ *Тиля* называется по-Санкритски особенный родъ риса — sesamum orientale.

31) Сива.

32) Индра.

33) Лотосъ — цвѣтокъ, принадлежащій къ роду водяныхъ лилій. Онъ имѣетъ множество породъ и названій. Былъ особенно почитаемъ древними Индусами.

34) Балясъ — одинъ изъ Дайтіевъ, нападавшій на Адитеевъ. Его убилъ Индра.

35) Дерево — въ ботаникѣ schorea robusta.

36) Вадитръ — музыкальный инструментъ, вѣроятно въ родѣ лиры, или арфы. Названіемъ напоминаетъ Греческое βάρβιτον и Чешское Varito.

37) Карникаръ — цвѣтокъ въ ботаникѣ Cassia fistula.

38) Жена Вишну, богиня красоты и блаженства, Индійская Венера.

(Изъ журнала Москвитянинъ, 1851 г., N 14.)